

АННА В. ПАВЛОВА
Майнцкий университет (Германия)

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ОБОЗНАЧЕНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В АСПЕКТЕ ВОСПРИЯТИЯ

Gender asymmetry of the notation of social roles in Russian language in the light of perception

Ключевые слова: гендерная лингвистика, социальная роль женщины, феминизация языка, женские суффиксы в русском языке, восприятие, осмысление, перевод, двусмысленность

KEY WORDS: gender linguistics, social roles of women, feminization of language, female suffixes in Russian, perception, translation, double sense

ABSTRACT: This paper describes some problems of the gender “asymmetry” of Russian from the point of view of perception and understanding. The double sense of many sentences in Russian and their potential misunderstanding caused by the use of male gender words which reference women can also cause extralinguistic problems. The paper deals with both linguistic and social issues which are closely connected with each other, especially in the gender area.

В академической Грамматике русского языка о мужском роде сказано следующее:

Слова мужского рода прежде всего заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола. Поэтому слова мужского рода могут применяться к лицу как мужского, так и женского пола. [...] Существительные муж. р. не могут быть общим названием лица в тех случаях, когда по своему лексическому значению они относятся только к лицам мужского пола: *брат, мальчик, муж, мужчина, отец, юноша* (Шведова 1982).

В учебном пособии Г. А. Мартиновича по морфологии современного русского литературного языка читаем:

Существительные мужского рода обозначают лиц мужского пола. Но в силу того, что они заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его

социальную и профессиональную принадлежность, они могут также употребляться и для обозначения лиц женского пола. [...] При обобщенном обозначении лиц мужского и женского пола используются существительные только мужского рода: *каждый делегат знает; все делегаты выступили* (Мартиневич 2005).

Следовательно, у большинства одушевленных существительных мужского рода имеется функция служить обобщающими и гендерно нейтральными именованиями лиц как мужского, так и женского пола.

Но воспринимаются ли существительные мужского рода как общие названия лиц как мужского, так и женского пола и, если да, то всегда ли? Для того чтобы это выяснить, на русском материале автором данной статьи был проведен эксперимент по отнесению тех или иных существительных, немаркированных по гендерному признаку, к представителям мужского или женского пола. В эксперименте приняли участие 48 носителей русского языка обоего пола. (Корреляция между ответами и полом респондентов не проверялась). Испытуемым предъявлялись короткие предложения, содержащие существительные мужского рода в единственном и множественном числе, немаркированные по признаку биологического пола, а также числительное *двое* и местоимение *оба*, и предлагалось написать, как зовут соответствующих людей. В общей сложности было предъявлено 30 предложений. Слово *человек* использовалось в трех разных контекстах: предположительно «мужском» (*По улице прогуливался человек в сером костюме*), предположительно нейтральном (*У человека сдали нервы*) и предположительно «женском» (*Пусть человек поплачет*).

Результат теста показал, что множественное число *студенты, выпускники, гости, коллеги, соседи, сотрапезники* и *туристы* опознается как обозначение смешанных групп: в эти группы входят и мужчины, и женщины; причем *соседи* и *гости* – это практически всегда смешанные группы (но для двоих респондентов соответственно *гости* и *соседи* – только мужчины, а для двоих – только женщины); на втором месте после них располагаются *студенты, выпускники* и *туристы* – чаще всего это смешанные группы, однако есть и исключения: у десяти респондентов *студенты*, у шестерых *выпускники школы* и у тринадцати *туристы* – только мужчины, а у одного респондента *туристы* – только женщины; *коллеги, сотрапезники* – на третьем месте по тяготению к смешанности (соответственно 21 и 25 респондентов считают их чисто мужскими группами; для одного респондента *коллеги* – только женщины).

Существительное *воспитатели*, несмотря на невыраженность признака женского пола (ср. *воспитательницы*) однозначно опознается только как обозначение группы женщин. *Важная шишка (Тобой интересуется*

какая-то важная шишка) для респондентов – только мужчина. Относительно *персоны* (*В зале появляется загадочная персона в черной маске*) и *жертвы* (*Санитары хлопотали над жертвой аварии*) ответы разделились примерно поровну. Остальные предложенные для опознания существительные, как в единственном, так и во множественном числе – *архитекторы, художники, поэты, режиссер, дирижер, продюсер* – трактуются как отнесенные к мужчинам (только трое респондентов посчитали, что *архитекторы* – смешанная группа). Как обозначающее двух представителей мужского пола опознаются в основном *двое* и *оба* (в предложении *Ко мне подошли двое, оба в поношенных пальто.*) Лишь пятеро из 48 респондентов сочли, что это мужчина и женщина. Разночтение вызывают *врачи* и *торговцы*: большинство испытуемых расценило эти существительные как обозначения мужских групп, но попадались и «смешанные» ответы (*врачи* – 10, *торговцы* – 9), а шестеро респондентов решили, что *торговцы* – это только женщины (несмотря на то, что имеется существительное *торговки*). *Человек, ребенок, младенец* расцениваются в основном как обозначения лиц мужского пола, но девять респондентов подумали, что *ребенок* – это девочка, и семеро, что *младенец* – девочка. В нейтральном контексте *человек* опознается как женщина только двумя респондентами. В случае «женского» контекста *Пусть человек поплачет* мнения разделились почти поровну. Корреляции ответов с полом респондентов не обнаруживается.

Ответы показывают, что вероятность опознания существительного мужского рода как немаркированного по отношению к полу тем выше, чем яснее воспринимающий осознает ту или иную группу лиц как смешанную в реальной жизни. Выпускники и студенты в жизни по умолчанию представляют собой общности из женщин и мужчин. Соседи и гости – это всегда смешанные группы, потому что в воображении респондентов люди живут по соседству и приходят в гости обычно парами. Среди воспитателей в реальной жизни преобладают воспитательницы – значит, и *воспитатели* – это *воспитательницы*. А вот архитекторы, дирижеры, режиссеры, продюсеры, художники и поэты в сознании носителей русского языка – это, скорее всего, мужчины, поскольку женщина в этих профессиях – явление нечастое. Это представление обусловлено не столько современным положением дел, сколько исторически. *Важная шишка*, судя по результатам эксперимента, является в представлении носителей русского языка мужчиной.

Значит, решающую роль в опознании гендера играет распределение ролей в обществе. И форма существительного мужского рода во множественном числе может восприниматься как обозначение группы из

женщин или смешанной группы, если для этого имеются реальные условия – не языковые, а социальные.

Помимо экстралингвистического фактора, по-видимому, немаловажную функцию в восприятии существительных мужского рода, обозначающих социальные роли, выполняет и чисто языковая составляющая. Так, в речевых ситуациях с существительными *человек*, *ребенок*, *младенец* в их опознании как отнесенных к референтам одного или другого пола важную роль, судя по всему, играет грамматическая и лексическая поддержка контекста. Глагол в прошедшем времени усиливает впечатление отнесенности к мужскому полу: *Человек сидел сгорбившись*; *Человек нервно засмеялся*. В то время как общие для обоих полов названия профессий в мужском роде допускают согласование с глаголами женского рода – *хирург ответила*, *дирижер поклонилась*, *молодой товаровед вошла в комнату* – слова *человек*, *ребенок*, *младенец* с глаголами прошедшего времени в женском роде несоединимы. Предложение *Ребенок насупился* воспринимается как отнесенное к мальчику не в последнюю очередь за счет формы глагола в прошедшем времени, ср. *Ребенок не слушается*; *У ребенка температура*; *Ребенку пора спать* – в этих случаях вероятность опознания *ребенка* как девочки выше. Ср. также: *Под моим окном медленно прохаживался человек*. – *Я вижу в конце улицы человека*. В первом предложении *человек* явно мужчина, во втором неизвестно. Но стоит добавить во второе предложение прилагательное в мужском роде, как ощущение «мужской» соотнесенности усиливается: *Я вижу в конце улицы старого человека*. Таким образом, впечатление, что речь идет о представителе мужского пола, может быть усилено не только глаголом прошедшего времени, но и прилагательным или местоимением: *Этот человек мне незнаком*; *Тебя там спрашивает какой-то подозрительный человек*. Без грамматической опоры слово *человек* вполне может восприниматься как гендерно-нейтральное, например, в общих суждениях типа *Человек – это звучит гордо*; *В человеке все должно быть прекрасно*. В предложении *Пусть человек поплачет* слово *человек* трактуется респондентами то как отнесенное к мужчине, то как к женщине. Здесь, по-видимому, возникает своего рода конфликт между грамматической неподкрепленностью гендерной соотнесенности *человека* с женщиной и представлением о том, что плачут все-таки чаще женщины, чем мужчины. Корректно и нормативно употребление этого слова в чисто «женском» контексте, где оно опознается адекватно как соотнесенное только с женщиной: *Мама устала, дай человеку хоть полчаса поспать*; *Галина, ну что ты за человек!*; *Она человек жизнерадостный*; *Спрашивается, зачем человеку нужен муж-пьяница?*

Многим, вероятно, известна следующая логическая загадка: *Отец и сын попали в автомобильную аварию. Сын пострадал более – отец отвез сына в клинику. Хирург, оперирующий мальчика, заявляет, что пациент – его сын. Возможно ли такое при условии, что отец, попавший в аварию, генетический отец и не является врачом? (Отгадка: хирург – мать пострадавшего мальчика)*. В принципе, уже одной этой загадки достаточно, чтобы задуматься о нейтральности формы мужского рода по отношению к гендеру.

Опознание многих (или даже большинства) одушевленных существительных мужского рода как отнесенных к мужчинам небезразлично для передачи информации. Двусмысленность фраз типа заголовка *В Днепропетровске судья изнасиловал адвоката* (портал «Корреспондент.net») достаточно очевидна. Семантическая неоднозначность может иметь серьезные последствия, даже если эта опасность носителями языка не осознается. Например, при устном переводе такого рода фразы могут быть переведены неверно (письменный переводчик, в отличие от устного, имеет возможность проинформироваться о реальном положении дел благодаря контексту), что для участников ситуации чревато осложнением их диалога. Или представим себе на минуту, что какой-нибудь потомок читает в архивном документе: *Канцлер Меркель медленно обводит взглядом присутствующих и подписывает протокол*. У потомка должно сложиться впечатление, что канцлер Меркель – мужчина. Если ему не встретятся тексты, опровергающие это впечатление, то мы можем быть уверены в рождении очередной легенды. А вот отрывок из реального текста: *...там, где жил в изгнании первый русский нобелевский лауреат по литературе Бунин, и где живет сейчас последний русскоязычный лауреат Алексиевич* (Kasparov.ru). Перевод на язык, в котором гендер должен быть выражен морфологически, может представлять в таких случаях немалые затруднения. Употребление существительных мужского рода для обозначения социальных ролей женщин, если эти обозначения сопровождаются именами или фамилиями, общими для лиц мужского и женского пола, предполагает наличие фоновых знаний участников коммуникации относительно референтов. Но далеко не каждый реципиент, в том числе переводчик, обладает подобными знаниями. (Подробнее проблема перевода с русского языка в гендерном аспекте освещена, например, в работе: Волков 2012). При смешении гендерных обозначений в юридических документах неверное толкование может иметь серьезные правовые последствия.

Теоретически у всех существительных, обозначающих женские профессии, социальные роли и качества характера, должны иметься формы женского рода. Этого требует необходимость отражения действительного

положения дел; в противном случае существует риск искажения смысла, релевантный для успеха коммуникации. Однако представляется нерациональным заменять обобщенное множественное число парой, состоящей из мужского и женского рода, то есть употреблять сочетание *читательницы и читатели* вместо одного слова *читатели* – по крайней мере, в большинстве контекстов. В представлении множества, состоящего из людей обоих полов, парными существительными исчезает идея несущественности пола вообще, не только женского, но и мужского. Функция генерализующего мужского рода одушевленных существительных сродни функции существительных, обозначающих множество как таковое, вроде *население, общественность, поколение, молодежь*.

Средством обобщения может оставаться форма мужского рода и в единственном числе, например, в обращении автора книги к каждому и каждой из своих читателей и читательниц: *Читатель, наверное, уже догадался ...* Читательницам придется принять в качестве пресуппозиции, что они в это обращение включены. Название статьи *Учителю на заметку* включает обращение как к любому учителю, так и к любой учительнице. Обобщение и абстрагирование – в данном случае, от биологического пола – это элемент человеческого мышления, и лишать язык возможности отразить эти процессы означает язык не обогащать, а обеднять. Отсутствие специальных форм женского рода в таких обобщающих фразах не является ни признаком лакунарности, ни свидетельством господства мужчин в обществе. То же касается местоимений *каждый, любой, всякий, оба*.

Иное дело тексты юридического или регламентирующего характера, которые требуют предельной точности формулировок. В них мужской род как гендерно-нейтральный употреблять не следовало бы. В области права важно различать *подателя* и *подательницу*, *заявителя* и *заявительницу*, *истца* и *истицу*, *гражданина* и *гражданку*, *сотрудника* и *сотрудницу*, *свидетеля* и *свидетельницу* по крайней мере для того, чтобы чисто юридически те или иные положения, параграфы, законы и правила не допускали неоднозначных толкований. Например: «...*после обращения в суд гражданки К. к совершеннолетним детям о взыскании алиментов и принятии мировым судьей дела к своему производству истица скончалась*» (из пособия «Мировой судья в гражданском производстве»); «*Прошу обязать ответчицу не чинить препятствий к общению истца (Ф.И.О.) с несовершеннолетним (Ф.И.О.)*» (формуляр искового заявления из справочника «Как и куда правильно писать жалобу, чтобы отстоять свои права»). Различение существительных мужского и женского рода и их парное употребление давно бытует в официальных документах, однако не повсеместно. Это объясняется как недооценкой важности подобного различения авторами некоторых формуляров, так и нехваткой форм

женского рода – например, слова *адвокат, прокурор, нотариус, автор* (в договорах об авторском праве) и многие другие, упоминаемые в юридических текстах, не имеют форм женского рода.

Различать биологический пол необходимо и в статистических данных. Например, утверждение *На среднестатистического чеха в год приходится 160 литров пива, немца – 140, ирландца – 130, среднестатистический русский потребляет не более 50 литров пива в год* оставляет непроясненным, входят ли женщины в учтенную группу. А для статистики нужна точность, иначе статистика сама себя дискредитирует.

Правила сочетаемости женских обозначений мужского рода с прилагательными, притяжательными местоимениями и глаголами прошедшего времени в русском языке чрезвычайно запутанны (Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999; Грамота.ру). Согласно этим правилам, требуется различать деловой и разговорный стиль речи. Надо помнить о том, является ли определение согласованным или несогласованным. Необходимо учитывать препозицию и постпозицию прилагательного или местоимения. Кроме того, женская или мужская форма местоимения или прилагательного в препозиции зависит от падежа: так, допустимо *наша врач*, но недопустимо **нашей врачу*. Вряд ли можно ожидать, чтобы эти правила учитывались в реальной жизни в полном объеме.

Из-за нечеткости и явной усложненности системы правил сочетаемости мы наблюдаем в письменных текстах огромное количество странных и даже неграмотных конструкций: *Умерла известная журналист...* (Ura-inform.com); *Как законопослушный гражданин, Васильева находится...* (Интерфакс); *Греческая полицейский арестовала члена левой экстремистской группировки* (Novostistrani.ru); *Известная телеведущий Ксения Бородина снова выходит замуж* (Dni24.com); ... *лишенная российских иллюзий итальянский пушкиновец Серена Витале* (Московский комсомолец); *Федеральный судья США Шира Шейндлин (Shira Scheindlin), приговорившая россиянина Виктора Бута к 25 годам тюрьмы, назвала свой приговор «чрезмерным и неподходящим»* (Новая газета).

О конструкции Genitivus partitivus в связи с употреблением форм мужского и женского рода в академической Русской грамматике сказано следующее: «Нормативно только согласование слова *один* с родом существительного: *Сестра была одним из борцов за высшее образование для женщин*» (Русская грамматика). Однако если фраза начинается с конструкции Genitivus partitivus, то следуя этим правилам, мы получаем: **Один из учителей была ...; *Ни один из актеров не была ...*, что представляется нарушением нормы.

Даже формально грамотные фразы воспринимаются иногда как нелепые или странные, если рассматривать их в перспективе здравого смысла и языковых привычек носителей языка: *Женщина напала на одного из членов экипажа, покусав и поцарапав ее; Депутата Госдумы от „Единой России” обвинили в агитации за мужа-коммуниста* (Newsru.com); *Президенту Киргизии предложили стать дружинником* (Lenta.ru) – речь идет о Розе Отунбаевой, при этом в тексте заметки не ощущается ни тени иронии. В то же время некоторые журналисты, отдавая себе отчет в подобных несообразностях, намеренно их обыгрывают: *Суд пошел ей навстречу и развел инженера-нефтяника с мужем-аллергиком* (Lenta.ru). Подобные формально грамотные фразы можно рассматривать как вид языковой игры.

В рамках проекта по исследованию восприятия и скорости понимания фраз, включающих различные грамматические омонимы, студенткой факультета «Перевод. Язык. Культура» Майнцского университета Анной Литаву был проведен пилотный эксперимент с семью носителями русского языка. Каждый участник должен был прочесть и понять 20 фраз, пять из которых содержали «мужские» обозначения женщин, причем из грамматической структуры в какой-то момент чтения становилось ясно, что речь идет о женщине, например: *Бывший премьер-министр Индии служила курьером борцам за независимость*. К каждой из таких фраз были подобраны «отвлекающие» примеры, аналогичные данным по количеству и порядку слов, но с изначально ясными обозначениями действующих лиц – скажем, *Легендарная прима-балерина Большого театра дала интервью журналистам*. Прибор *eye-tracker* фиксировал перемещение взгляда испытуемого, а также измерял время реакции. Фиксация взгляда прибором отражена в так называемых *gaze plots* (карта взглядов в виде кружков разного размера, составляемая прибором *eye-tracker*). Номера кружков отражают последовательность движения глаз; кружки большего размера отмечают области повышенного внимания. Расшифровка *gaze plots* для каждого участника эксперимента показала следующее. Как и предполагалось, понимание фраз с разнородными грамматическими показателями относительно гендера происходит с задержкой по сравнению с пониманием предложений, в которых обусловленная гендерной асимметрией грамматическая омонимия отсутствует, а слова, содержащие грамматическую омонимию, а также слова, ее разрешающие (например, *бывший*, с одной стороны, и *служила*, с другой), являются теми областями, на которых внимание сосредоточено в максимальной степени. Типично перечитывание этих участков фразы по нескольку раз. В отвлекающих примерах такое перечитывание не зафиксировано. Поскольку это был лишь пилотный эксперимент с небольшим и статистически нерелевантным количеством

участников, планируется повторить его уже в рамках магистерской работы со статистически репрезентативным числом участников. В материал эксперимента, помимо уже использованных предложений, планируется включить также примеры, в которых грамматическая омонимия относительно гендера разрешается только путем логических умозаключений (как в уже упомянутом выше примере о судье, изнасиловавшем адвоката в Днепропетровске).

Таким образом, нехватка средств в русском языке для отражения роли женщины в обществе и диспропорция по сравнению со средствами, которыми располагает «мужской мир», небезразлична для когнитивных процессов восприятия и понимания и, как следствие, для качества перевода. В некоторых работах по гендерной лингвистике средства русского языка в этой области сравниваются с арсеналом, которым располагают другие языки, а также анализируются тенденции развития, которое проделали некоторые языки под влиянием распространения идей феминистской лингвистики: Пылайкина 2004; Манзуллина 2005; Павлова 2010; Хуэйцзе 2011; Котеняткина 2011; Шемчук, Андреева 2013. В недавно проведенном эксперименте по опознанию текстов как оригинальных или переводных на материале немецкого и русского языков в рамках магистерской работы студентка Майнцского университета Натали Штибен выяснила, что для немецких читателей употребление существительных мужского рода как гендерно-генерализующих в текстах официального характера является одним из признаков переводного текста (так называемым *translationese* – трансляционизмом), так как с недавнего времени употребление слов мужского рода в этой функции в немецком официальном дискурсе в обязательном порядке заменяется гендерно-нейтральными словами – главным образом, причастиями, если это возможно (например, вместо существительного *Studenten* стало принято употреблять субстантивированное причастие *Studierende*), или существительными с гендерно-нейтральной референциальной отнесенностью (вместо *Lehrer – Lehrkraft*).

В современном российском обществе попыток расширить арсенал женских обозначений не наблюдается. Более того, имеет место обратная тенденция: женщин именуют «мужскими» формами даже тогда, когда имеются парные «женские», полностью нейтральные по стилю: *Выступление Марины Кореновой, принимавшей в качестве переводчика участие в создании фильма «Безымянная» (НЛО); Журналиста Ярцеву завтра могут определить в психиатрическую клинику, потому что она решила бороться за экологию (Новая газета); К переименованию Волгограда в Сталинград следует подходить очень аккуратно, заявила Интерфаксу уполномоченный по правам человека Элла Памфилова*

(Grani.ru); *Не станет же она признаваться ему в том, что она – наемный убийца* (А. Маринина).

Тенденцию «лингвоомужествления» поддерживают сами женщины. На вопрос к студенткам МГУ, приезжающим в Майнцский университет по обмену, будут ли они переводчиками или переводчицами, следует неизменный ответ: «Конечно, переводчиками». Женщины говорят о себе: *Я работаю гримером; Я флорист; Я продавец; Я корреспондент*. Мужские формы одерживают верх в подспудной, не видной глазу борьбе между стремлением любого говорящего обеспечивать своей речи ясность и однозначность и тяготением женщин к «мужским» терминам для обозначения собственных социальных ролей. По-видимому, они руководствуются (нерефлектируемым?) убеждением, что только «мужские» формы способны обеспечить им позицию солидных и серьезных людей. В итоге мы наблюдаем не расширение словаря современного русского языка за счет словообразований при помощи «женских» суффиксов, а, напротив, сужение этого словаря (в его активной ипостаси) из-за изгнания из него уже существующих «женских» форм.

В последующих экспериментах и опросах намечается проверить, каковы истинные причины употребления «мужских» форм при наличии «женской» пары. Далее, планируется выяснить, как воспринимаются носителями русского языка те или иные конструкции, согласующиеся с правилами русского языка либо, наоборот, нарушающие их, но при этом отражающие «реальное положение дел» в гендерной сфере. Наконец, предполагается провести серию экспериментов по переводу с русского на немецкий язык текстов, включающих «мужские» обозначения женщин (типа уже приводившейся выше фразы об Алексиевич), студентами и начинающими переводчиками. При этом предполагается в том числе выяснить объем фоновых знаний выпускников переводческого факультета нашего университета, необходимый для правильного распознавания гендерной принадлежности обозначаемых словами мужского рода лиц, а также умения начинающих переводчиков работать с источниками для выяснения дополнительной и необходимой для правильного перевода информации.

Библиография

- Волков, А. С. (2012), Гендерный аспект в контексте обучения художественному переводу. В: General and Professional Education. 2, 13–19.
- Грамота.ру (портал). Автор Петрова, или Названия «неженских» профессий. См.: <http://new.gramota.ru/spravka/letters/22-spravka/letters>. Доступ: 15.05.2016.

- КОТЕНЯТКИНА, И. Б. (2011), Категория рода при номинации лиц по профессии, виду деятельности и занимаемой должности (на материале пиренейского и гватемальского национальных вариантов испанского языка). Автореферат диссертации. Москва.
- МАНЗУЛИНА, З. А. (2005), Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект. На материале русского и французского языков. Автореферат диссертации. Уфа.
- МАРТИНОВИЧ, Г. А. (2005). Современный русский литературный язык. Морфология. СПб. Электронная версия. См.: http://www.portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1449907981&archive=&start_from=&ucat=&. Доступ: 15.05.2016.
- ПАВЛОВА, А. В. (2010), Применение опыта немецкой феминистской лингвистики для анализа русского языка. В: Актуальные проблемы лингвистики XXI века. Киров, 177–199.
- ПЫЛАЙКИНА, В. П. (2004), Категория гендера в английском языке в сопоставлении с русским. Диссертация. Екатеринбург.
- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э./Джанджакова, Е. В./Кабанова, Н. П. (1999), Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию, §148. Москва. См.: <http://www.evar-tist.narod.ru/text1/57.htm>. Доступ: 15.05.2016.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (1982), Русская грамматика. Академия наук СССР. Ин-т русского языка. Раздел «Имя существительное». См.: <http://rusgram.narod.ru/1121-1146.html>. Доступ: 15.05.2016.
- ХУЗЙЦЕ, СУНЬ (2011), Гендерная асимметрия в русском и китайском языках. В: Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания», № 4(14). См.: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227073.pdf>. Доступ: 15.05.2016.
- ШЕМЧУК, Ю. М./АНДРЕЕВА, А. В. (2013), Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики. В: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2, 86–92.